

Хороша! Как прошла по лучу
В золотящемся тоненьком свитере.
Да святятся земные святители,
Прикоснувшись к такому плечу.

На снимке Александра Каслова солистка ансамбля "Забайкальские казаки" Лариса Наконечная.

ЧИТА

литературная

№ 1

8 июня 1996 г.

Духовное горение и творческая жизнь — преемственны.

Начиная с 60-х годов, в Чите, после закрытия альманаха "Забайкалье", появляется литературная страница в "Комсомолец Забайкалья" — "Гуран", затем "Кедр" и "Лик" в "Забайкальском рабочем", позже вновь возобновляется и затухает альма-

нах, начинаются первые выпуски "Литературной Читы". Это можно объяснить как господствовавшими в свое время идеологическими установками, организационными и финансовыми причинами, так и творческой волей, инициативой, энтузиазмом отдельных представителей художественной интеллигенции.

"Чита литературная" задумана не как чисто "писательское" издание, а как газета всей творческой интеллигенции области: писателей и артистов, композиторов и художников, архитекторов и журналистов, краеведов, историков, археологов, фотомастеров, работников культуры, переводчиков, деятелей науки, учительства — всех, чья духовная энергия и творческая воля пульсируют в любые времена, ищут и пробирают дорогу к умам, душам и памяти современников.

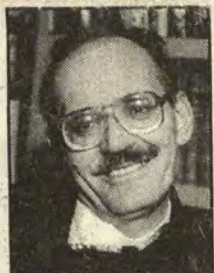
"Чита литературная" не будет иметь редакции как некоего направляющего органа, эстетически властвующей или господствующей команды, тем более, одного лица. В следующем номере мы опубликуем состав редакционного Совета, роль которого предлагать на страницы издания то или иное произведение. Критерием отбора, конечно, будет художественная ценность, талант и мастерство, высокий дух гуманизма, свободное слово, возрождение духовного потенциала российского общества в далеком Забайкалье.

Мы думаем, что трава будет расти и после нас, что цветущее поле российской словесности, культуры, искусства, науки и просвещения народа даст зрелые плоды и в нашем суровом климате.

Инициативная группа.

Красная строка

Моя последняя книга стихотворений "Огонь пролетающий" вышла около десяти лет назад. С того времени печатаюсь мало — нет желания распаивать душу, хотя написан целый том новых стихов. Может быть соберусь с духом, найду спонсоров... А эти стихи — горячие, только что отпечатанные на много перетерпевшей и много помнящей машинке поэта.

Михаил Вишняков

Борису Иванову

КУБОК ЗОЛОТОЙ

Вот, наконец, мне дали власть над Кубком золотым.
В нем яд и мед, и желчь, и сласть,
и поздней славы дым.
Я залпом осушил его за жизнь, любовь и честь.
Но ... Не случилось ничего, да ничего как есть.
Сверкала в полночи звезда.
Гремел вселенский хор.
Толпились люди и года — всей пестрой жизни сор.
Тогда, совсем не без причин, я впал в такой покой.
Один весьма высокий чин махнул на то рукой.
Пришло письмо издадека, из нежно-юных лет.
Писала женская рука:
— Зачем ты пил, поэт?
Глаза от ужаса раскрой, но душу не растли.
Ни бог, ни царь и ни герой в том счастья не нашли...
Раскрыл от ужаса глаза, как вороны крыло:
гремела в обществе гроза и больше ничего.
Но был ответ с небес простой: грозу не раздражать;
а тяжкий Кубок золотой лишь можешь ты держать...
Отмечен страстью роковой

все сущее любить,
уйди сегодня под конвой,
чтоб вечно вольным быть.

Счастливые книжки писал
один мой знакомый писатель,
потом он отстал и устал,
задумался, словно нехотел.
Уехал в деревню, замолк.
Писательство — перегорело.
Живет на свободе, как волк,
суровый и заматерелый.
Тропа заросла трин-травой,
и критики адрес забыли.

Шумят над его головой
великие дебри Сибири.
В избушке тепло по утрам,
а холодно — печку раздует.
И вольно здесь снам и ветрам,
не тесно хорошим раздумьям.
Прямой, как забытая честь,

живет, ни к чему не готовясь.
Собой представляя, Бог весть,
какую счастливую повесть.

Есть в российской политике
ирреальность и таинство,
Ни какой аналитике
не доступное каинство.
Москвичи ли, владимирцы
посреди русской улицы
со всех стран проходимцами
троекратно целуются.
Стол уставлен закусками,
под столом — поле минное:
пуд алмазного, русского
за понюшку всемирного.
Под листом соглашения
протоколы секретные —
шоры умалишения
на глаза безответные.
Затянуло лотемками
угол руского пеленга —
крымский берег Потемкина,
и аляскинский — Беринга.
Все давным перемотото,
все — на два полушария.
... В корке русского золота
голубая Швейцария!

Елене Р...

Над старой гурбанской дорогой
спит ветер, сияет луна.
Пожалуйста, память не трогай,
иначе взорвется она.
За тридцать два года разлуки
ни писем, ни встречи в конце,
иначе предсмертные муки
останутся жить на лице.
Любви колокольчик звенящий
на тоненькой нитке повис,
такой беззащитно-щемящий,
как раненый инеем лист.
Так чисто, свежо, небывало:
и август, и росчерк зарниц,
что, кажется жизнь просияла
сквозь ласточки черных ресниц.

В НОМЕРЕ:

Виктория Балабина

Я никогда в себя не верила — дочь врага народа
должна быть никем. Скрыв происхождение, по-
ступила в читинский техникум. Вскоре выгнали...
Все это организовало мою душу — одна природа
меня не обижала и не предавала. Мечтательность,
одиночество...

Валентин Марков

По обочине дороги две пары аппетитных ног в
одинаковых красных, коротких — до полки —
платьях и на высоких черных каблучках, предлагал
достойный товар, деловито прохаживались по Ас-
фальтен-бич мимо потухших огней Энергетик-хауз.

Олег Думов

Сашок понял, что в Китае любят у-шу. Сашок по-
любился китайцам, маленьким трудолюбивым
людям, изобретателям пороха, бумаги, фарфора, шел-
ка... С круглыми глазами под белесыми ресницами,
мощным телом от ушей, тяжелый и медлительный.
Сашок двигался на арене с грацией лесного кабана.

Федор Кренделев

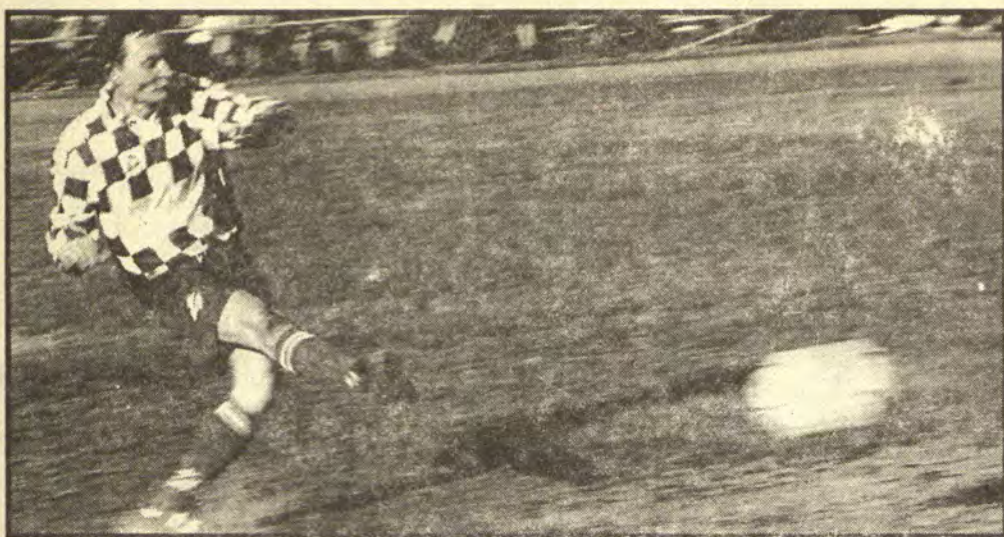

Научная дерзость и зрелость, игра воображения
и строгая глубина мышления, блистательное
мастерство художника — это впечатление после
первого прочтения не затмило быстротекущее вре-
мя, — написал поэт Михаил Вишняков о стихах
Федора Кренделева.

Николай Кузakov

Поднимаюсь на террасу. Тропа. Заяц попал в
петлю и уснул у деревца. Ворон расклевал
бок, полакомился сердцем, печенькой и легкими.
Губа не дура. Я снял петлю и положил в карман. А
останки зайца оставил. Хоть и разбойник — птица
ворон, но в стужу и у нее жизнь не сахар.

День города — солнечный,
радостный, яркий.
Земля в синеве
и весеннем цвету.
На площади,
на стадионе и в парке
Какие красавицы
славят Читу!

Властный удар.
(Глава областной
администрации Равиль
Гениатулин во время
дружеского матча со
звездами российской
эстрады 26 мая 1996 г.).

Фото Е. Епанчинцева.

Вика Садовская родилась и выросла на Украине. Ее отец — Геннадий Леонидович — учитель, писатель, участник движения за национальную независимость был узником лагеря политических ссыльных на Соловках. Как и положено в те страшные времена, семья врага народа была выслана в Сибирь. Так будущая жена известного забайкальского писателя Василия Балябина стала читинкой. Воспитанная в среде интеллигентов, книголюб и мечтательница, она с двенадцати лет начала писать дневники, а в тридцать — лирическую прозу... в стол. Как говорит Виктория Геннадьевна, Василий Иванович Балябин неплохо относился к ее увлечению, но она понимала, что должна сделать все, чтобы писал он...

Привезли их на Сурьянку в середине сентября. Изнуренные тяжкою дорожною, обессиленные душевными муками, они молча глядели на свое новое пристанище, что как-то вдруг открылось перед ними с последнего горного перевала. Это был большой старинный рудник, основанный каким-то английским промышленником и заброшенный после революции, а теперь вновь восстановленный и подновленный соответственно требованиям нового времени. Десятков пять изб старожилов рудника, с десятком длинных барак, а чуть в стороне — лагерь для заключенных, обнесенный высоким дощатым забором со сторожевыми вышками на углах.

Им казалось, что они съезжают в какую-то темную мокрую ямину: сверху, с серого неба, моросил дождь, а горы, высившиеся над поселком, черные дебри сосновых лесов на них, глядели угрюмо и неприветливо. Этот недобрый и чужой мир их будто пророчил путникам неисконность их дальнейшей судьбы: «Никогда, никогда больше не будете вы дышать сладким воздухом вашей отчизны! Никогда не вернетесь вы к милым своим оселям, где вы родились, выросли, были свободными! Лишенные родной земли, заклеименные прозябшим жалким изгнанныков, вы будете задыхаться и конать в наших каменных объятиях, и никто никогда не узнает о ваших муках и кончине! Прощайтесь же со всем тем, что было вам дорого, что вы всем сердцем любили, прощайтесь со своими надеждами, прощайтесь сами с собою — никогда больше не будете вы такими, как были: теперь вы уже наша добыча!»

— Боже милый, Боже правый! — стонали женщины, глядя на эти чернокаменные скопища, тесней прижимали детей к себе. Не плакали: слезы выплакали еще там, когда покидали свою отчизну, да еще на

тех глухих полустанках, где оставляли своих мертвецов: детей, братьев, матерей.

Машины въехали в поселок и остановились перед двумя еще не успевшими потемнеть от дождей и ветров бараками. Во дворе перед входом в один из них высилась длинная поленица дров и топила большая плита с высокою железною трубою, возле нее хлопотало несколько женщин. Не успели приехавшие сойти с машины, как из этих барак выскочили какие-то люди и, протягивая руки, с криком побежали к ним. Путники оцепенели от неожиданности, но когда разобрались, что бегут к ним такие же бедолаги, как и они, украинцы-западненцы, — кинулись и сами к ним с плачем и воплями.

— Ой, Боже! — голосили и те и другие. — Ой, людоньки добрые, куда же нас завезли!

— Ой сгинем, сгинем мы, сестры, и деточки наши погину в этих каменных дебрях!

И те, что прибыли, и те, что встречали, кричали так, что с соседних барак и изб сбежались люди. Кто потешался над тяжелой их бедою — бандеры, мол, кулачье! А кто и сам слезы утирал.

Когда уже немного стихли плач и крики, новички стали расспрашивать тех, кто прибыл раньше: откуда кто, как да чем здесь живут.

— Лес валим, — отвечали те, — бараки строим для вольнонаемных, коттеджи для начальства, в шахте работаем, на бурвышках. Доразведка по этим местам большая идет, разведпартия геологическая здесь обосновалась...

— Хвалите Господа, что крыша над головой сразу будет, а как нас привезли сюда, барак этих и в помине не было, сами их, своими руками построили... в палатках жили.

— Привезли нас весною, а тут еще снег по колено лежит, мать божья! Снегом

нас заваяло, вода льдом берется, по ночам волосы к изголовью примерзали...

— Топим чугунок в палатках да молим Бога, чтоб забрал нас поскорее к себе...

— Никого не знаем, нигде ничего нет, дети голодные плачут. Вот же возьмем дрючек (палка, бадог) да и бредем на село, как те жебраки (нищие): «Нет ли ведра картошки продать? Молочка детям?» Люди же здесь неприветливые, такое бывало, что собаками нас травдили...

— А ночью налетит ветер из-за гор, воет над палатками, словно бы людскими голосами вопит... кровь в жилах стыла, казалось, не ветер — души людей, замученных тут, голосят над нами...

сердцем все они там, в своих Глиняных, Яворовых, Золочевых, в своих садах и полях, где так вольно и хорошо дышится, на своей милой, родной, тяжко оплаканной земле, ставшей сейчас для них святынею. Вот поэтому-то в обличье этих рослых, многогословных и неторопливых людей, с крестьянскими лицами и руками, видится внимательному взгляду одно и то же выражение: выражение несломленного, не покорившегося обстоятельствам горделивого человеческого достоинства.

Они шли сегодня во второй семейный барак, чтоб похоронить любимую всей украинской колонии, дочку Павлины Шаловиловой. Умерла Кася от порока серд-

Виктория Балябина

СТРАДАЛЬНАЯ МАТИ

Воскресный день этот в начале сентября выдался мгlistым и хмурым. Над темными вершинами сопков, над рудничным поселком у подножия их, плыли и плыли иссиня — сизые, набухшие влагою низкие тучи.

К длинному барак, в котором жили семейные спецпереселенцы с западной Украины, сходились этим днем их соотечичи с разных концов поселка, чтоб похоронить покойницу. Шли по одному, по двое, все в чистой одежде, женщины в белых ситцевых платках, старательно повязанных под подбородком. Еще так недавно там, в своих селах на Львовщине, на Тернопольщине, на Ровенщине, они были уважаемыми людьми, свободными и полновластными господами на своей земле, в своих хозяйствах, а сегодня, лишенные и земли и хозяйства, вместе с ними и Родины, тянут ненавистную лямку подневольными людьми в этом Кашеевом царстве, в этой горной ледяной пустыне на краю света, куда, по прежним их понятиям, черный ворон не долетывал, лютый зверь не дорыскивал.

Что ж, они подчинились силе. Телом подчинились, но не душой. А душой,

ца. Кто знает, сколько бы прожила Кася, ясноглазая, кроткая и ласковая девушка, почти подросток, если бы не случилось то дикое, жестокое, что случилось: раскулачка, изгнание, крестная дорога в Сибирь в телячьем вагоне, где от грязи, тесноты, голода умирали люди, и, самое тяжкое — арест отца перед самым отъездом, полная неизвестность о нем, ни единого письма, ни весточки. Это они, Кася с мамой, приехали сюда с первой партией, это они жили в палатках, занесенных снегом, это их люди, а с ними и Касина мама, валили лес, строили спешно этот барак, чтоб обогреть и сохранить хоть бы остаток детей.

Кася сильно тосковала по отцу, по родному краю. В снах она видела свои Глиняны, свой большой дом.

— Мамуню, — рассказывала она поутру, — приснилось мне, будто мы дома, на Украине... и будто темная-темная ночь, тишина, и в саду, с той креслатой (ветвистой) яблони, что возле погреба, падают в траву поспевшие яблоки: бух, бух! Потом еще через малое время снова — бух, бух! И то как славно было мне, так утешно на душе, словно я музыку какую-то небесную слышала...

24 мая, в День поминовения создателей славянского алфавита святых братьев Кирилла и Мефодия, чья подвижническая деятельность в IX веке открыла путь к просвещению на Руси, у нас в городе в шестой раз отмечался Праздник славянской письменности и культуры.

Утром в актовом зале Читинского государственного педагогического института им. Чернышевского состоялось открытие Праздника и начала работу научно-практическая конференция "Славянская культура. Традиции и современность". Пока ученые люди обсуждали свои мудреные проблемы, на Театральной площади Читы шло народное гуляние. Началось оно театрализованным представлением "Россия, Русь, храни себя, храни...". В нем были заняты учащиеся Читинского училища культуры и любительские театральные коллективы из районов области и города.

А потом зрители могли посмотреть выступления народного ансамбля танца "Радуга" училища культуры, ансамбля эстрадного танца "Вдохновение", студии балетных танцев "Хип-твист", народного танцевального коллектива "Россиянка" ДК железнодорожников. Послушать духовой оркестр штаба ЗабВО и потанцевать под звуки его тоже много любителей нашлось.

ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В ЧИТЕ

Любовь ПАПУЛИНА,
ведущий специалист
областного Центра
народного творчества
и досуга.

Или еще так: "Приснилось мне, мамцю, что мы с татом идем по тропе вдоль ключика под теми старезными вербами, что за нашим огородом. Весна будто бы, ключик уже растаял, бежит, радуется воле; вербы нежно-нежно распускаются, ветви как гирлянды, свесились до самой земли, а под ними уже молодая трава зеленая-зеленая, а по ней все ряст, ряст, тендитные белые чашечки крохотные, похожие на те белые восковые цветы, из которых монашки веночки на фату делали невестам. Идем мы будто бы, любимеся квиточками этими, а тато и говорят: "Нарви, Касю, рясту, сплети себе веночек". Мне и хочется нарвать рясту, и жалко его: ведь он только-только на свет божий выглянул, пожить не успел... так и не нарвала..."

Женщины-украинки, услышав этот сон, грустно качали головами: "Не сплести, видно, Касе веночек на свой велец: "Болезнь и чужбина точили ее тело и душу. Она стала худенькой, легонькой, прозрачной."

— Мамцю, — сказала она как-то, уже сильно хвоя, — взойти бы мне вон на ту самую высокую гору, что над нашим поселком... поглядеть хоть в ту сторону, где наша Украина...

...В длинном бараке с тремя столбами-подпорками посредине, с двумя рядами нар по сторонам, с огромной плитой поближе к дверям и еще большим столом со скамейками с обеих его сторон, печальная тишина. Слышно, как в соседней казарме лагерных охранников кто-то играет на балалайке, смех.

Касю уже уложили в гроб, поставленный в переднем углу под иконами на двух сдвинутых скамейках. Ее уже обрядили в дальний путь, как принято у них на родине. Нежное беленькое ее лицо в золотых конопушках еще как живое. Еле намеченные бровки ее чуть приподняты, она будто удивленно и радостно вглядывается и вслушивается во что-то, что открылось ей теперь. Она в белой кофточке с длинными рукавами, в юбке в клетку, на гладко причесанных льняных волосах веночек из брусничного, вместо барвинку, листа. Среди этих листьев вплетены желтые и розовые бессмертники. На правой стороне груди ее лежит маленький образок Божьей Матери с младенцем Иисусом, на левой — розовый бант из широкой ленты. Восковые руки вытянуты вдоль тоненького тела — девушка ведь. В одной руке цветной полушалок, в другой — белый носовой платочек, в нем горстка родной зем-

ли, что привезли с собою. В изголовье гроба — большая икона и горят три свечи, поставленные в банки с пшеницею.

Тут сейчас все, кто пришел, и кто живет в этом бараке. Сидят по двое, по трое на чисто застланных нарах, на лавках, стоят у открытой двери. Мать Каси, Павлина Шаловилова, еще не старая женщина, исплаканная, исхлестанная горем, бесильно склонилась над дочерью, правой рукой обняла тело покойницы, говорит негромко с нею, как с живую: "Доню моя, квиточко моя весенняя, не бойся ничего — Матерь Божия не оставит тебя, день и ночь молить ее за тебя буду. И я тебя не оставлю, дытныо моя, щодня буду приходить к тебе, грудью стану греть могилоньку твою, поливать ее слезами своими... а как настанет мой час... рядом с тобою навечно лягу..."

— Ой, Боже мой, Боже мой! — вдохнет кто-нибудь из женщин и перекрестится.

— Боже милый, Боже правый! — ответит ей другая таким же вздохом-стоном, и снова наступит тишина.

Пришел фотограф. Тут к гробу приступили взрослые крепкие девчата, три раза качнули его перед порогом и вынесли во двор. Все столпились вокруг Каси, даже солдаты-охранники бросили свою балалайку и высыпали на улицу.

Как закончил свое дело фотограф, все стали прощаться с покойницей, потом подошли старики с гвоздями, молотками, чтобы закрыть и заколотить навечно новое Касино жилище. Что тут створилось! Не своим голосом крикнула Шаловилова, охватила домовину руками: "Не дам! Не троньте... Не надо! Отойдите! Дайте мне наглядеться на мою дытныу! Убейте и меня, убейте! Схороните вместе с нею!" Тут будто вихрем ударило, взметнуло: протягивая к Касе руки, все закричали, запричитали... застучали молотки... Небольшой, тесно сплоченной общим гражданским несчастьем колонией шли украинцы-западцы по поселку. Впереди молодой парень нес обвитый цветами и лентами деревянный крест. Потом три пары девчушек-подростков несли большие венки из хвои и осенних цветов, за ними медленно плыл — несли на руках — гроб, за гробом под руки вели еле живую мать, затем шли уже все остальные.

Выступали неторопливо и торжественно, лица у всех были сурово замкнуты. Люди эти будто бросали кому-то молчаливый и гордый вызов.

...Сильными молодыми голосами начали песню сестры Странцкие:

Страдальная мати пид крестом стояла,
Стала рыдаты, в слезах промовляты...

Песню подхватили все остальные, наполнили ее своею тоскою и любовью: Ой, сыну мий, сыну, за яку провину
Переносиш нинне тяжкую годину
На хрести?..

Шли одним телом, плечо к плечу, локоть к локтю, шаг в шаг, словно тайно заклившись стоять на чем-то своем до смерти.

К воротам и калиткам, на крылечки избу и барачков выскакивали люди, жадно глядели вслед процессии, переговаривались, может быть, тайно сочувствовали, а может, злорадствовали: кулачье, бандеры, хохлы!

Я тебя купала гирками слезами,
Як малым ховала перед ворогами,
А ныне я плачу, бо тебя вже трачу,
Вже ты, милый сыну, бильше не побачу,
Сыну мий...

Солнце пошло уже на вторую половину дня, горы очистились от мглы. По-осеннему нарядные и печальные, прощально сияли в глубокой синеве небесной.

Моя ты, дытныо, мий ты свите ясный,
Згаснув ты заскоро, завьянув, бeссчaст-
ный,

А що ж то зи мною станеш, сиротою,

Я сама на свити, як былына, стою,
Сыну мий...

Песня чайкой-вдовицей плакала, стонала над людьми, неслась в небо, летела к осенним горам...

Показалось кладбище: на склоне горы между высокими соснами и березами — почерневшие старые и новые кресты, облезшие пирамидки с выцветшими звездочками, а вот и свежая яма, с двух ее сторон по холмику земли пополам с песком и галькой. Все остановились, столпились у гроба, потом под общий плач и крики опустили домовину в яму.

И тут умолкло все: голоса, причитания, плач, все встали, где кому пришлось, и пропели Касе последнюю песню — Вечную Память.

Сомлевшую Шаловилу женщины подняли и отнесли в сторону на траву, а самый уважаемый в украинской колонии человек — старый Король Ромашкан, взявши в руки заступ, сколько мог громко и торжественно сказал: "Молитесь, люди добрые, о душе рабы божьей, девицы Катерины!"

Грянули комья земли о крышку гроба, и тут все, старые и малые, клякли на колени, и пока Король и хлопцы засыпали могилу, истово и тихо молились о невинной и чистой душе Каси.

ИЮНЬ ИЗ АМБРАЗУРЫ

Целый день длилось ощущение новизны или каких-нибудь изменений в жизни — но все текло своим чередом и ничего не менялось, словно игла на пластинке спотыкалась на вышерене и вновь возвращалась в старую канавку.

Улица вымощена грязно-зеленой кашей листьев, обильно сбремена синевой неба, приправлена искрами осколков от бутылок, припудрена маревом уныния и лени.

С раннего утра до позднего вечера женщины ритмично бьвали гвозди в асфальт и перетирали песок изгибами обутками. Лица их властные, словно у царей, и непроницаемые, как в капроновом чулке лицо грабителя. Все они заняты своей исключительностью.

Процкала женщина в узкоколых, стремительно рассекающих пространство черных лодочках на адмиралтейских шпильках, высотой выше всяких возможностей, — конец каблучка едва угадывался.

Голова машинально потянулась следом, а глаза и уши считывали шаги. Наверное, хорошо так идти, не глядя под ноги, как балерина на цирковом, и принимать взгляды мужчин, словно аплодисменты.

Как же они ходят целый день на таких малюсеньких ходулях? С хлебной сумкой прощавала выскохшими ногами бабушка неуверенной, словно бы виноватой походкой, — что еще топчет эту землю.

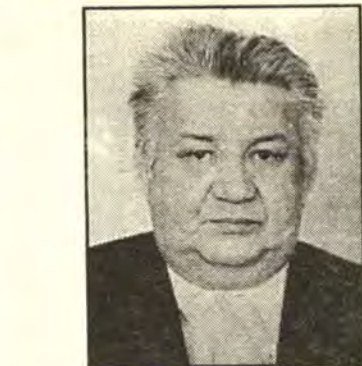
Она минутно останавливалась и дожидалась, когда уймется хрустящая боль в коленках и перестанет качаться земля.

Беззубый рот пережевывал прошлое.

Настоящее — ее не интересовало. Будущее — ей было уже ясно.

Лицо было спокойным, как у всех стариков, — она донашивала свое тело.

С трудом расставляла ноги, угрюмо-недоверливые пятнадцатки, повисшие на плечах девицы, с нарисованным туберкулезным румянцем и такими же нарисованными синими глазами.

Валентин Марков — поэт, смелый в обращении со словом, точный в деталях и неожиданных эпитетах.

Автор сборника "Импровизация" (издательство "Росток", г. Чита). С подборками стихов публиковался в читинских газетах, в альманахе "Забайкале".

В самые морозы лето ностальгически вспоминается ярким, большим, зеленым. За морозной дымкой и не рассмотреть, какими они были, наши последние лета.

Неизменно, как явление природы, каждое лето отражает уклад нашей жизни.

"Июнь из амбразур" — окно в один день лета Валентина Маркова.

В соседней квартире щенок тупым напильником обтачивал тишину. Тишина морщилась, но терпела.

А в это время по улице, словно на пружинке, размахивая руками и пританцовывая, черная носками сандалий, летела девушка с головой... развернутой назад, она проверяла эффект своего присутствия. Пацаны реагировали слабо.

А она, забуксовав на песке, чуть не приземлилась, но вовремя подхватила голову, уточнила курс и снова — голова назад, бант вперед.

Сразу видно — будущая сердечная. Держитесь, мужики!

Из города прикатил старый расхлябанный автобус-курятник. Радостный и полупустой, он понесся к остановке, приседа и гремя на выбоинах. Пассажиры согласно кивали и покачивались.

Вскоре автобус возвратился, накачанный человеческими фигурами, тяжело скрипя. Пассажиры торчали в нелепых позах. Окна автобуса были залеплены потной человеческой злобностью снизу доверху.

Перед поездом на убогой серости укатанной земли коричневым пятном лежало тело березы. Ее за бутылку спилили мужики и оттащили к ограде. Пацаны уже плясали на

радостными сапогами топтали небо, опрокинутое в нее. Малиновый румянец медленно таял на грязно-синих щеках облаков. Они комились над горами, но почему-то не разрешались, не могли разродиться.

А ветер с дурашкой ухмылкой гонял облака, как голубей над крышами, не давая им сесть, и ходили они влажные и растерянные, не зная, что же им делать, цеплялись за ускользающие под ними горы — но их несло по кругу.

Капельки крохотными пятнышками затопали по асфальту, но, чего-то испугавшись, поджали ножки.

Прошла женщина — пахнуло горячим телом и ванилиново-сладким запахом духов.

Каркающий голос спросил время. Куском овчины валялся под деревом Тимка-лон и поджидал какую-нибудь собаку, чтобы всласть полаять.

На лавочке сидели и сплетничали бабки, — уютные, мягкие и растоптанные, как домашние тапочки.

Разинутые пасти подцепов глотали сосредоточенных людей с сумками.

Фантомным видением, подсакивая и обивая взгляд, прямо в лицо нахально полезли комары.

Никакая санэпидстанция их не берет, а они нас берут и жрут по ночам! Ни в одной стране ТАКИХ комаров нет — а у нас есть!

Вот один из них присел на окно и засучил задними ножками, как руками сунул пивница перед вкушением внутрь.

На вид — такой умный, как рука с карандашом, и такая паскудная сущность.

Да еще и самка! Даже у комаров бабы — кровопийцы!

Комар, полетев, загнуло-самолетным телом и ванилиново-сладким запахом духов.

— Ку-у-у! Ку-у-у! Ку-у-у!

Кумом больше, кумом меньше — размазал его по стеклу. Кровушку свою пить не дам! Камфорой вымажу, извонюся — но не дам!

Черными молниями стрижки кромсали небо на куски, тонкими чертами перечерчивали свое прошлое и весело-истощили орали. Им некогда копаться в своей душе. Тем паче — в твоей. Небо срасталось без шрамов и

натаясь на невидимые препятствия, дальше.

Двое подпрыгнувших парней выскочили, словно крест, в подъезд пыльную бабу. В ее сумасшедших глазах отражалось полыхание закатного неба. Их отсекла и поглотила чернота подъезда.

Знобко поеживалась знакомая до камней лужа.

Деревья, собравшись в кружок и воровато озираясь по сторонам, как колда хулиганов, шепотом обсуждали очередную пакость.

Посовещавшись, одно из них, подбоченясь, вышло из круга и, отнесясь идиотский поклон, стало разглядывать меня.

— Ты жив еще? В натуре!

— Ну-ка, продерни!

И оно, испугавшись, продернуло. Бездомная сука с отвисшими сосцами и подхалимно-крутым характером, понохав дерево, зашлась лаем на небо — украла щенков.

Какое тут к черту материнство! Равнодушный материализм не дает ответа — вот она и опирается у всякого прохожего: куда девали щенков?

По стене моего дома, тщательно прошаривая каждый сантиметр, расправляла ноги-ходули, ползла большая и внимательный мизистр — так ампути-тант учится ходить на протезах.

— Скатертью дорога. — Я пауков не трогал. Сам — паук-луноход.

Подул ветерок и стал с пионерским восторгом, как на демонстрации, методично размахивать ветками.

По обочине дороги две пары аппетитных ног в одинаковых красных, коротких — до попки — платьях и на высоких черных каблучках, предлагали достойный товар, деловито прохаживались по Асфальту-бич мимо потухших огней Энергетик-хауса.

Невест откуды подлетевшая иностранка радостно взрыла обочину. Не долгие торги, и вот уже по-собачьи взыли шины, голодным урчанием отвалил мотор-зверь и понес отважных тружениц старинной профессии в дымный вечер кайфа.

У нас в Чита-таун — все путем! А на подоконнике оса деловито обстреливала крылья навозной мухе, как парикмахер ножницами кромсает патлатого пацана.

Муха нервно зудела, подергивалась и материлась на весь белый свет. Оса, отрезав ей заодно и ноги, подняла тяжелый мешок с мясом и улетела.

У каждого своя продовольственная программа.

Вдруг в облаках белой запятой прорезался ГЛАЗ и внимательно посмотрел вниз:

— Да-о! Бардачок-с! — И смотрел еще, но стыдливые облако-веко закрыло его.

По обочине неба молча крался кри-во, как сабля, месяц.

Так ему и надо! Вовремя должно приходиться домой!

Вот поплавать почему-то в неласко-вые руки ОМОНа с плановой загрузкой "выпрямителя".

Из соседнего дома сыпнуло пил-каные баяны — несмелые голоса не-уверенно, невнятно заглянули между нот. Баян обижено всхлинул и замолчал. Улица саркастически заулы-балась и покосилась:

— Пожыицы!

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без перил.

Одолел!

До половины — на ногах. Осталь-ное — на руках. Удовлетворенно оглянувшись на проделанное и...куба-рем покотился назад.

От успехов закружилась голова.

С разбитой губой и непричесанным матом он снова кинулся на штурм. Не доверяя удаче, на руках и ногах быстро вскарабкался наверх и, уже не оглядываясь, порулил, словно

балдело от их болтовни. Пьяный му-зыкал, следуя по вино-водочному тракту, покачиваясь и смеясь, кинул-ся с разбегу одолеть крутую лестни-цу без

Николай Ружаков

На юго-востоке километрах в девяти от санатория "Молоковки" грядой возвышается становой хребет. Летом он купается в синеватой дымке. С утра до ночи над хребтом курнаются облака, точно белые безгрешные души. Под ними кружат орлы, наслаждаясь высотой и бескрайними лесными даями. Радуюсь теплу и солнцу, мелодично позванивают родники. У подножья этого хребта среди ерниковых зарослей на подушке вечной мерзлоты и родилась речка Молоковка. Скатившись в низину, бежит она по угрюмой пади среди высоких гор. Я пообещал своим товарищам за новогодним столом угостить их дичиной. Поставил в вершинке Молоковки петли на зайцев и вот иду их проверять.

Утро. Тропа ведет меня по левой стороне речки по подножью гор. День сегодня рождается в великих муках. Солнце, с трудом осилив горы, лежит на шетинистых грибах, точно отлитое из куска льда, холодное и равнодушное ко всему. Вдали, тронутый благородной сединой, в глубокой задумчивости возвышается становой хребет. Мороз под сорок. Но в нем нет обжигающего холода, какой бывает при хиузах.

Морозная тишина. В ней отчетливо слышен даже малейший шорох. С покати хребта доносится отчаянный стук дятла. Робко потрескивают деревья. Вот тишину вспорол резкий, упругий, как удар бича, звук — лопнул лед на речке. Солнце, точно испугавшись этого звука, вздрогнуло, проснулось и пролило в падь поток холодного света. Лес преобразился, ожил.

Подхожу к лобастной сопке. Она угрюмо смотрит на меня, точно недовольная, что нарушил ее покой. Из-под сопки бил минеральных источник. На месте его образовался светло-коричневый ледяной холмик. Вокруг него кучатся заросли багула, стоят одинокие еще совсем юные березки и лиственники. Ветки их в куржаке, как в волшебных кружевах, которые искрятся, играют разноцветными огнями. И кажется, что все вокруг наполнено их мелодичным звоном. Я стою завороченный этим чудом.

Природа. Неповторимый художник. Творец жизнеутверждающей красоты и радости. В ней нет мертвых красок. Взгляните на водопад: это каскад неугасимого движения и ликующей жизни. Остановитесь перед горным озером: в нем небесная задумчивость и тихая грусть. Перед вами буреломы: в них не смерть, а все сокрушающая сила. Приглядитесь к скалам, они постоянно меняются: то стоят грозные и неприступные, то светлые и веселые, то усталые и отрешенные. Камень, но он живой. И ни одна картина не повторяется. От всего исходит покой,

тот благотворный покой, который твою душу делает чище и добрей.

Падь незаметно сужается. Горы смотрят друг на друга через речку. На них озявшие деревья не шелохнутся. Впереди под сопкой показались валуны, присыпанные снегом. Между ними что-то мелькнуло, точно черная молния сверкнула среди каменных глыб — погасла. Какой-то зверек. Я прибавил шаг. Шарю взглядом по валунам, по ерниковым зарос-

лым снег, белый лес, белый воздух и даже белая тишина. Чудо. Берез такой девственной белизны, как у нас в Забайкалье, нигде в мире нет. Даже летом, есть такие уголки березовых рощ, в которые входишь, как в снежную метелицу. От белизны боль в глазах.

Величавая и божественная красота природы в ее простоте и удивительной гармонии.

Я подхожу к террасе. Впереди послышался крик ворона. На тер-

ГРЕМУЧИЙ СНЕГ

лям. Нет никого. Должно быть, показалось. Скорей всего какая-нибудь пичужка на ерниках кормилась и упорхнула в чепуру. Подхожу к валунам. На них весь снег в чьих-то следах, как в оспинах. На одном валуне перышки синицы, несколько капелек крови. Кто-то позавтракал пичужкой.

Обхожу валуны. Свежий след. Отпечатался даже каждый коготок. Черная молния... Не могу поверить своим глазам: след соболя. Подарок судьбы. Вспомнилась соболиная охота. Это были лучшие годы в моей жизни. Иду по следу. Соболю перебежал низинку, на крайке леса вскочил на колодину, потоптался на ней, должно быть, меня высматривал, затем строчка следов потянулась по распадку к вершине горы.

— Счастливого пути тебе, охотник, и удачи, — мысленно напутствовал соболя.

Но вот горы расступились. Передо мной становой хребет. У его подножья небольшая марь, присыпанная снегом. Она похожа на белое озеро с неровными рваными берегами. Здесь рождается речка Молоковка. Вокруг тишина, покой. Но это обман. Под толщей могучего хребта не утихла жизнь, она вырывалась наружу, проливалась в лесные долины множеством ключей и речек. Ключи кипят, над ними клубится туман, одеваая деревья в серебряную чеканку.

Я перешел марь и стал подниматься в хребет. На подходе его рос лиственный лес. Деревья приземистые, по веткам их густо рассыпаны коричневатые шишки с ноготь величиной. Под корявой двухствольной лиственницей снег сплошь покрыт чешуйками от шишек. Белка завтракала. Самой ее нет. Убежала в другое кормовое угодье. А, может, решила поискать сушеных грибов. Эта еда все-таки посолдней, чем орешки от лиственных шишек. Всем хлеб насущный достается нелегко.

Солнце уже брело над становым хребтом. Между деревьями на снегу лежали светлые полосы. Я по своему старому следу неторопливо поднимаюсь в хребет. Снег перемерз, превратился в ледяные кристаллики и не скрипит под ногами, а гремит, точно я иду по мелкой каменной россыпи. Лиственный лес редет. Вскоре он остался позади, и я очутился в березовом лесу. Бе-

расе стоят петли на зайцев. У меня екнуло сердце: эти разбойники не раз грабили меня. Как они умудряются найти в лесу чужую добычу, одному Богу известно. Видимо, охотника тропят.

Поднимаюсь на террасу. Тропа. Заяц попал в петлю и уснул у дерева. Ворон расклевал бок, полакомился сердцем, печенкой и легкими. Губа не дура. Я снял петлю и положил в карман. А останки зайца оставил. Хоть и разбойник — птица ворон, но в стужу и у нее жизнь не сахар.

— Извините, друзья, за новогодним столом не будет жаркого из зайчатины.

Я смахнул с колодины снег, присел и закурил. Над горами, проводив солнце, горела заря. Пролетел табунок рябчиков на ночлег. Невдалеке на ветку березы опустилась сойка и стала рассматривать меня.

— И нам с тобой пора к ночлегу тропу топтать, — говорю я.

Сойка снялась с ветки и улетила. Заря погасла. Низины потемнели. В горы по распадкам поползли сумерки. Мороз усилился. На террасе разбойничьим выстрелом треснуло дерево. Где-то с перепугу пискнула пташка. Я спустился с хребта и вышел на тропу, ведущую к санаторию. В распадке ночь, густая, настуженная. Горы стоят темными призраками. Низко висит небо с крупными продрогшими звездами. Я спешу. У меня под ногами в морозной тишине гулко, раскатисто гремит снег. Встревая с этими гремучими звуками с соседней сопки мне вслед кричит гуран: "По-о! По-о! По-о!"

Эти стихи написаны удивительным человеком, членом-корреспондентом Академии Наук СССР, профессором Федором Петровичем Кренделевым. Все, кто общался с ним, помнят его острый ум, нестандартные идеи, энциклопедичность знаний. Основные труды его были в области геохимии, начинал он свою карьеру, исследуя рудные месторождения Болгарии, затем переехал в Новосибирск, много работал по Удоканскому месторождению меди. В 70-х годах Федор Петрович создал Геологический институт в Улан-Удэ, а затем в Чите наш Институт природных ресурсов Сибирского отделения Академии Наук.

Помимо специальных вопросов геологии, его интересовало все, что есть в природе: как можно "пасти" китов в океане, почему в процессе эволюции человек потерял волосяной покров, как разводить сады над линиями теплоцентралей и т.д.

Но самым любимым "коньком" был остров Пасхи, о котором он написал книгу "Рапа-Нуи" (Пуп Земли). Сибирский геолог, живущий в Чите, он постоянно переносился мыслями в экзотическую страну каменных истуканов и потухших вулканов, погружался в отчеты экспедиции Кука и мистерии длинноухих и короткоухих.

Он умер рано и внезапно — в 60 лет. Мы так и запомнили его молодого, нестандартного, замечательного русского ученого.

Владимир МАЗАЛОВ,
директор Читинского института природных ресурсов
Сибирского отделения
Российской Академии Наук.

Федор Кренделев

В одном городишке
В середине Сибири
Мальчишки
Могильные плиты разбили:
Камнями швыряли
В портрет моей мамы,
Отцово лицо
Как от оспы, все в ямах.
Поломаны ветви
Деревьев зеленых,
Ограды уж нет,
Все в траве опаленной...
А я все мотаюсь
По белому свету —
Рим, Лондон, Париж,
И покоя мне нету.

Белград и София,
Берлин, остров Пасхи...
Мир дивно красивый
В нем яркие краски.
Памир и Кавказ,
Гималаи и Анды.
Березки и пальмы,
Кусты и гирлянды.
Дворцы, минареты
И юрты, и сабли,
Орлы и гагары,
Пингвины и цапли.
Японцы, индусы,
болгары и финны
И нету конца бесконечному
фильму...

А годы идут,
И теряются силы;
И тянется сердце
К отцовской могиле, —
Где дерево спит,
В изголовии справа,
Где камень разбит
И повержены травы...

1985 год

ГОЛУБОЙ СЛОН

Подарили жене голубого слона,
Вислоухого, ватного,
Хвостик — веревочка...

О как счастлива,
радостна нынче жена,
И поет,
И смеется,
Как в сказке дюймовочка.
Дом наш — полная чаша,
Всего в нем хватает.
И желанья жены
Исполнялись всегда
И сполна...
Но скажите, пожалуйста,
Кто из вас угадает,
Что жена ожидает всю жизнь
Голубого слона?

1974 год.

СВАДЬБА

В огороде стог соломы,
След сорочий выткан стежкой.
Не беги одна из дома
Снежной искристой дорожкой...
За столом шальные лица,
Пьяный крик немолчный —
горько!
Гнут со скрипом половицы,
Бабий запах —
душный, терпкий.
За кружевной занавеской
На куму кум дышит жарко.
Пьяный сват, как черт,

с невесткой
Рассуждает с полной чаркой:
Холит, гладит грубой лапой,
Усом чарке бок щекошет...
Всю бы выдул — да куда там:
И не может уж, а хочет.
Дверь в сенях как заводная
Гулко бьется, так и ходит.
Вся компания хмельная
Брагой пенной колобродит...
В огороде стог за домом,
Весь белесый в лунном свете:
Молодые мнут солому
и смеются...
Будто дети.

-У

тебя, дембель, проблем с работой не будет. С твоими-то руками — прямая дорожка в ракет, — сказали Александру сослуживцы, когда он, заваливаясь на спину, один подтянул к артиллерийскому тягачу ленту гусеницы.

У Сашки наблюдалось отсутствие некоторых промежуточных частей тела. Не было шеи: плечи покато опускались от ушей. Не было запястьев: круглая полнота рук расплывалась в большие ладони, треснувшие веером толстых пальцев. И ноги — без лодыжек, загнуты, как лапы, под сорок шестой размер. Двигательные члены у Сашки до конца не выпрямлялись, отчего имел он много неприятностей по строевой и физической подготовке.

Вернувшись из армии, Сашок проводил вечера у одноклассников. Его маленькие, глубоко посаженные глаза, разделенные тонким носом, в профиль имеющим вид аккуратного сапожка, доброжелательно смотрели, как Ленка — первая красавица их выпуска, кормит белой грудью младенца, или Серега, ныне ее муж, бодается с компьютером. Пока одноклассники служили, Серега отделился от родителей, поступил в институт, свел к себе Ленку, отчего ее острая высокая грудь, некогда волновавшая Сашку, стала округло-вислой, с морщинистым соском, который она вкладывает в ротик хнычущему младенцу.

Сашок нашел работу, прикладную к своим рукам, — грузчиком на мельнице. По утрам заходил в склад, поводя плечами, радуясь высоким штабелям мешков с мукой. Ласково нашептывая: «Куколки мои, напудренные». Руки тяжелели, внутри разливался жар, распалось дыхание в ожидании потехи. Крепко брал мешок за углы, тело вворачивалось под него. Не работал, а играл. Сашку нравилось все: бестолковость клиентов, крикливость начальства, напряженный ритм, сладковатый вкус мукой пыли, свои мысли, что он при самом главном деле в городе — при хлебе. «Чистая работа», — приговаривал Сашок, играя мешками.

Вечером много ел, шел на диван, как большое животное в логово. Приятно было чувствовать тело усмирённым работой, звенящим от здоровья, а всего себя — летящим в жизнь. С дивана взглядом скользил по корешкам книг, но множество их затрудняло выбор.

Жил Сашок с бабушкой и отцом, читавшим в ин-

Лю-си страдала от сиротства души. Сашок возле нее начал задумываться о своей.

Бабушка-четверть-бурятка призналась Сашку, что была крещеной, но, тяжело заболев, лечилась у бурятского ламы в Дацане, перешла в буддизм, а потом, как родила троих, молилась за детей на портрет Сталина, но два сына все равно не вернулись с войны.

Отец к духовным исканиям Сашка отнесся благосклонно. Сильно потирая руки, радостно сказал:

— Какой возраст! Самая долгая дорога в нем — к самому себе. Иди туда, к чему у тебя тяготение в душе и руках.

— В душе — не знаю, а в руках — к земле. Тяжелы мои руки по утрам, пока не растрочу их на мешки с мукой.

Рассказ

РУССКИЙ СТИЛЬ

— Это его тяжесть. — Отец показал на чеканку над своей кроватью: на фоне церквушки пахарь прокладывал борозду. Сияли купола, поле, дальний лес, натянутые сохой руки пахаря, плечи, покатые, как у Сашки. Напряженные ноги упирались в жирного блеска медную землю.

— Чистая работа, — сказал Сашок.

— А моя душа иснилась по снегам, дубовым рощам, сиянью куполов. Тридцать лет в Забайкалье. Десять месяцев — зима, остальное — лето. — Отец тоскующими глазами смотрел в окно, где над коркой серого асфальта стояли скованные морозом деревья. Поземка мела песком и сажей. Город и небо были цвета старой кости. Под Псковом у отца жили престарелые родители.

На работе Сашку поставили бригадиром и это как-то добавило ответственности за душу: кому бы ее вверить.

Миниатюрная и красивая, как куст цветущего шиповника, Лю-си свела Сашку к Ши-фу — учителю, который с собой определился дав-но,

ституте русскую литературу, — отсюда и книги в доме, и атмосфера творческого безделья. Лежать часами с думами в голове — считалось нормой.

Грузчики запивались, а Сашка даже от малой толики спиртного рвало, голова раскалывалась, ее половинки хлопали друг о друга, аплодируя глупости. Мужики завистливо говорили: «Закодированный!» За монументальностью и трезвую жизнь Сашка любила кладовщица Полина — забайкальская китаянка. Обещала:

— Вот сведу о дочкой Лю-си — пусть родит от тебя для улучшения нашей породы.

Лю-си, по паспорту — Люся, работала переводчицей с китайского. Улучшать там было нечего: гладкая, как доска из-под рубанка, с ягодицами, не больше Сашковых кулаков. Всей ее плоти не хватило бы, чтоб выносить плод от Сашки. Но подружилась. По отцу Лю-си была русской. Покойная мать Сашки происходила из семьи казаков с примесью бурятской крови, отец — из псковских крестьян.

Путь этот бесконечен: даосские монахи Храма Пурпурных Облаков на горе Удан искали в нем бессмертия, но не обрели, зато разработали комплекс упражнений, продляющих молодость. На жизнь Ши-фу зарабатывал тем, что тренировал городской ОМОН.

— Но тебе это не надо, — сказал он Сашку, показывая на ОМОНцев, ломавших о голову кирпичи в углу спортзала. — Ты будешь учиться искусству управлять Ци — внутренней энергией. Гармонию мира определяет присутствие в нем двух противоположных начал: энергии Инь и энергии Ян. Когда одна нарастает в чем-либо, другая там убывает.

Сашок нашел, что философия даосов согласуется о диалектикой, с борьбой и единством противоположностей.

После занятий цигуном, Ши-фу учил Сашку тайцзи-цюаню — китайскому баялету, как называл Сашок про себя этот комплекс, требующий расслабленности всех мышц и пластики движений. В тайцзи-цюане у Сашки пощелкивали суставы, скрипели мышцы, половая рейка под ним постереливала из щелей шпаклевкой. Лю-си, спрятав в ладони лицо, смеялась. Ши-фу доброжелательно говорил:

— Надо много растягиваться. У тебя русская конституция. Цигун и даосское мировоз-

зрение привели Сашку в полную гармонию с самим собой: тело пребывало в избытке здоровья и внутренней энергии, а душа — в покое.

Ши-фу сманили в Москву, в Центр восточных единоборств. Несколько месяцев Сашок сиротствовал без наставника. Однажды Лю-си сказала, что в городе объявился новый Учитель.

Круглолицый китаец с округлыми плечами над коротким телом, с бамбуковым шестом в руке, походил на букву «Ю», которая и была его полным именем.

— Я ученик пятнадцатого патриарха Сюань Ши Дуань Чжень Ци Вэнь Шин Аяна, — представился Ю.

— Наверное, вы недолго у него учились? — догадливо спросил Сашок.

— Почему? — удивился Ю.

— Имя у вас короткое.

Массивно поворачиваясь, как гусеничный трактор, излучающий жар работающего механизма, похрустывая сцеплениями суставов и приводными ремнями мышц, Сашок исполнил тайцзи-цюн.

— У-ю-ю! — изумился Ю. — Это совсем новый стиль. Будем его совершенствовать.

Ю требовал от Сашки, чтобы работал с жестостями для увеличения мышечной массы, чем извел робкие зачатки пластики в его движениях.

Ю пригласил Сашку в Китай на показательные выступления мастеров у-шу, приуроченные к Празднику лета. Визы и загранпаспорта обещала скорее выдать Лю-си.

С туристической группой, руководимой Лю-си, Ю и Сашок в городе Забайкальские пересекли границу, по бывшей КВЖД, вдоль реки Хайлар, въехали на территорию Восточного Китая. Та же, что в Забайкалье, пыль, те же леса, такой же рогатый скот вдоль насыпи дороги. За Малым Хинганом горные отроги высились в вышине и множество озер. Ю сказал, что они едут в город Чаньчунь, в провинцию Дзилинь. Показываясь на полке, блаженно щуря узкие, как семечки, глаза, он из длинной бутылки потягивал китайское пиво.

Но увидеть мастеров не пришлось: опоздали. Сашок не понимал трескучих разговоров Ю с земляками, а Лю-си рядом не было.

В номере 1030 на десятом этаже чаньчуньской гостиницы Ю за бутылкой пива предложил Сашку принять участие в турне по провинции Дзилинь в составе цирковой труппы.

— Хорошо заработаем, — уговаривал Ю Сашку.

— Я не медведь, чтоб меня показывать.

— На тебя зрители пойдут лучше чем на медведя, — заверил его Ю. — Особый стиль. У нас это ценят. И показать есть что — какие мышцы! Играют! Выступать будешь в трусах. И вообще: нам не на что вернуться в Россию. Я-то здесь не пропаду... — Шелявые глаза Ю, припухшие от пива, отрешенно закрылись.

— Наши деньги в мешках, — сказал Сашок.

— Это в каких? — удивился Ю.

— Которые у тебя под глазами. Пешком домой уйду. Подумаешь... Два дня езды на поезде. Как от Читы до Красноярска. Мы, славяне, хорошие ходоки. До Царьграда и Берлина хаживали. А все эти у-шу, таекван-до, каратэ — только у вас и могли появиться, — сказал Сашок.

— Конечно, потому что мы — мудрый народ, — согласился Ю. — Это всему миру известно.

— Потому что вы — народ мелкий и хитрый. Я вот шесть котлет заказал — она мне на шести тарелках принесла. А наша бы официантка догадалась — на одной подать.

Утром Сашок обреченно спросил Ю: — Как же — в трусах? У меня ноги волосатые.

Новый стиль покорял Китай. Стиль Сашка — не было еще ему названия.

Сашок понял, что в Китае любят у-шу. Сашок полюбился китайцам, маленьким трудолюбивым людям, изобретателям пороха, бумаги, фарфора, шелка... С круглыми глазами под белесыми ресницами, мощным телом от ушей, тяжелый и медлительный, Сашок двигался на арене с грацией лесного кабана, ставшего на задние ноги. Но некому было сказать это Сашку.

Ю выходил на арену, произносил магическую фразу, ряды вставали в приветствии, разливались искрами бенгальских огней, пивной пеной, треском хлопнушек.

Обдренный успехом Сашок, потряхивая связками расслабленных мышц, и поводя плечами (как в родном складе перед работой) запрашивал у Ю участие в бое.

— Китайские бойцы — мастера у-шу, — сказал Ю. — Ты против них — русская матерка. Совершенствуй свой стиль.

Олег Дымов

— Почему вы не выступаете сами, учитель? — Я слишком великий боец, — ответил Ю. Последнее выступление состоялось в городке Дзилинь. В первом ряду сидела Лю-си с туристической группой. Сердце Сашки увеличилось в размерах: вот они, кто понесет его славу в Россию, в родной город.

С особым подъемом Сашок откатал программу. Слушал за кулисы, как рукоплещут зрители, скандируя его имя. Грудь вздымалась.

Мимо воздушных гимнастов в блестящих зверей в клетках, по раскиданным реквизитам к нему прорвалась Лю-си, жалкая, плачущая.

— О-о-о! — выстонала Лю-си, цепляясь за руку Сашки, идущего на арену. Рыдающе просила: — Не надо больше, не надо! Он объявляет тебя, слышишь? «Жемчужина мудрости и культуры Китая», — переводила Лю-си магическую фразу, — в исполнении дрессированного русского мужика! Сашок!..

Затрещали хлопнушки — Сашок не понял: в рядах зрителей или у него в голове. Он задыхался так, словно только что пробежал перегон от Чаньчуня до российской границы. Как кузнечные меха вздымалась грудь, а в голову ударила кровь предков, в добродушном терпении сквозь столетия пронесших руки на сошных обож, ласкавших взглядом борозду и уповавших в жизни только на Бога и землю — отсюда у Сашки и руки всегда тяжелые, взгляд — ласков, а душа доверчива и молчалива, пока ее не вздохматят. Поэтому не понять веселым актерам, зачем Лю-си увлекла Сашку в клетку и захлопнула дверь.

Пришел взбешенный Ю и стал через прутья травить Сашку, который в поисках выхода из клетки, перешел в смежную, где сидели медведи. Когда ревуший от ярости Сашок ворвался к ним и выломал дверь, обезумевшие животные выскочили раньше Сашки. Ю убежал по проходу, показывая медведям спасительный путь, — и они через арену устремились в зал. Передние ряды зрителей полезли на задние, а задние — на гладкую стену.

На площади перед цирком множеством ярких палаток и навесов раскинулась праздничная ярмарка. Ю влетел в нее со ступенек цирка на отстающих от тела коротких ногах, следом скатились ревушие от страха медведи, за ними цирковые бойцы, скачущие упругими прыжками, как настоящие мастера у-шу. Вершиной смятения явился разъяренный Сашок, в трусах, с волосатыми грудью и ногами, потрясающий железным шкворнем — неандерталец, преследующий жертву с криком «Ю-ю-ю!».

Поккупатели, разбегаясь, сбивали торговые лотки и друг друга, топтали товар. Медведи металась по площади, пока не забились в павильон. Кто-то вызвал полицию и пожарную охрану.

Сашка хотели связать, но не находилось смельчаков подступиться с веревкой.

Чтобы охладить сердце. Сашок выпил четверть ведра воды. После этого полиция насмелилась взять его в наручники.

Ю скрылся, и не просто скрылся, а с цирковой кассой. Сашка отвели в полицейский участок, посадили в камеру. Следующий день Лю-си потратила на объяснения с городскими властями. Выяснилось, что простодушные зрители принимали Сашку на арене как артиста из России, исполняющего пантомиму.

Дежурный полицейский офицер, получивший указание выпустить Сашку, уважительно спросил у Лю-си:

— Какими стилями владеет ваш друг, обративший в бегство медведей, цирковых бойцов и тысячную ярмарку?

— Только русским, — ответила Лю-си.

— Это очень опасный стиль, — заключил полицейский. Лю-си помогла Сашку вернуться в Россию. Дома Сашок затосковал. Подолгу простаивал перед чеканкой с пахарем на фоне леса и церковных куполов.

— А что если мне поехать на Псковщину к деду? — спросил однажды отца. — Посмотрю, как там, на Руси, хлеб растет, какие храмы, снега и леса.

— С Богом, — ответил отец.

объявил голодовку. Принципиально. А то родители что хотят, то и творят. Вот сегодня, например, пришел папа с работы и, думаете, что сделал? Газету стал читать? Или смотреть телевизор? А может, сказал: "Давай-ка, Алексей, в шахматы сразимся?"

Как бы не так.

Он пошел в мою комнату, сгреб в кучу все, что было на столе, и выбросил во двор. В мусорный ящик.

А на моем столе, между прочим, лежали мои любимые марки.

И мой любимый альбом.

И мои любимые фломастеры.

Я так расстроился, что чуть не разревелся. Я решил пойти и выбросить все папины бумаги. Пусть потом что хочет, то и делает. Я уже какую-то его папку схватил, уже к двери подбежал, да вовремя опомнился. А вдруг это папина диссертация и он заставит меня ее восстанавливать? У меня совершенно нет времени восстанавливать чужие диссертации.

И тут меня осенило! Объявлю голодовку! Пусть родители помаяются.

Итак, решено. Вот позвонят сейчас ужинать, а я скажу: "Не буду есть, пока папа не вернет все, что выбросил. И не разложит на столе, как было. И не попросит прощения".

Тут как раз мамин голос из кухни:

— Идите ужинать!

Я — ни с места.

Чуть погодя, опять:

— Леша, ужинать!

Я — ни с места.

Тут папин голос:

— Алексей, ты что, оглох, что ли? Иди сейчас же ужинать!

"Ага, засуетились", — подумал я и пошел на кухню. Встал перед родителями и объявил:

— Хочу сделать заявление.

— Заявляй! — сказал весело папа. Понятно, подумал, что я шучу.

— Я объявляю голодовку. В знак протеста.

Папа внимательно посмотрел на меня.

— А против чего протестуешь, интересно знать?

— Против притеснений. Против того, что ты выбросил мои вещи и даже не извинился. Это... это произвол!

— Хм... — сказал папа и потянулся за хлебом. — Так ты, наверное, забыл, сколько мы уговаривали тебя убраться на столе. И что утром я предупредил: если будет такой же беспорядок...

— Я же не просто так не убирался, а был на катке!

— Это не оправдание, — сказал папа и откусил хлеб.

И тут только я увидел, что сегодня на ужин. Селедка под шубой! А рядом дымилась картошка! Да если б я знал, перенес бы голодовку на другой день! Ну, ладно, теперь уж делать нечего. Проглотил я слюну и подумал: "Скорей бы уж начали уговаривать поест..."

ГОЛОДОВКА

Это ж надо, какой я балда! Устроить голодовку, когда такой ужин! Если б не эта дурацкая затея, тоже картошку бы уплетал...

"Ладно, — думаю, — сегодня не буду заставлять его искать мои вещи. Темно на дворе, поздно. Пусть только попросит прощения — и я сразу сяду за стол. Зачем мне ломаться?"

Но папа, кажется, и не собирался просить прощения. Он даже не смотрел на меня, а все ел, ел и ел. Зато мама сказала:

— Может, поужинаешь все-таки, Леша? Откажешься от своих принципов? Смотри, как вкусно!

Ну, конечно же, откажусь! С удовольствием! Еще как откажусь! Я взялся за спинку стула, чтобы приставить его к столу и сесть, но папа вдруг перестал жевать и сказала:

— Ни в коем случае! От принципов не отказываются! Во всяком случае, так быстро! — и строго посмотрел на маму, — Я прошу тебя, Лида, не вмешивайся. Дай человеку хоть одно дело довести до конца.

И воткнул вилку в котлету.

Меня даже затосило от обиды. Ест. Котлету! Картошку! Селедку под шубой! А я от голода помираю. Нет, так дело не пойдет. Надо их еще больше припугнуть.

— Между прочим, — сказал я, стараясь не глядеть, как папа жуёт, — голодовку я объявляю на целый месяц. Вот так.

— И не уговаривайте! — добавил я громко.

Тут папа сказал наконец:

— Ну что ж, история знает и более длительные голодовки. Один безработный в Шотландии не ел почти три месяца...

— А как же... — робко начала мама.

— Не вмешивайся, Лида, — оборвал ее папа и проткнул вилкой вторую котлету.

Я не мог больше смотреть, как он ест. Вскочил из кухни и сел в своей комнате. Но и туда проник котлетный запах. Тогда я закрыл поплотнее дверь, взял книгу и попытался читать про пиратов. Какие там пираты! Книга с пиратами тоже пахла котлетой! Тогда я подошел к окну и стал смотреть на улицу. Но и окно пахло котлетой! Ну, что ты будешь делать!

— Ну что ж, — говорит папа, — протестовать, Алексей, твое право, — и засовывает в рот картофелину. Целиком. Эх, мне бы сейчас хотя бы малюсенький кусочек самой маленькой картошечки! После катка так есть хочется.

А папа поддел вилкой селедку — и тоже в рот. При этом закрыл глаза и сказал:

— Какая необыкновенная вкуснотища!

— Ах да! — вскочила с места мама. — Это еще не все, — и поставила на стол сковородку. А когда подняла крышку, оказалось, что это — котлеты. От них исходил такой запах, что у меня даже голова закружилась.

А может... Может, папа уже забыл про мою голодовку?

Я приоткрыл дверь. — Прекрасный ужин, — услышал я папин голос. — Только не пойму, с чего это в такое время — деликатесы?

— А ты забыл? — спросила мама.

— Хм... Второе декабря... Вроде бы не праздник. До Нового года далеко...

— Ну конечно! — воскликнула мама. — Ты каждый раз забываешь! А сегодня годовщина нашей свадьбы!

— Хм... А ведь и правда. Прости меня, дорогая, совсем заработался. Ух ты, а это что такое?

— Ваш с Алешкой любимый торт!

Я не мог больше терпеть. В честь годовщины свадьбы я решил папе все простить. Да к тому же, если разобраться, фломастеры, которые он выбросил, почти высохли, альбом старый, да и марка там была всего одна, от конверта отклеенная.

Я прошел на кухню и сел как ни в чем не бывало за стол.

— Ты, наверное, забыл, что у тебя — голодовка? — спросил папа, поднося ко рту кусок торта.

— Да я пошутил.

— Так не шутят, — строго сказал папа.

— Слава, — вмешалась мама, — но ведь он действительно пошутил. И потом сегодня — такой день...

— Лида! — сказал папа, и мама сразу же замолчала.

— А торт прекрасный, — продолжал папа, — ты посмотри, как у нас научились делать, прямо как в столице.

И все. Ноль внимания на меня. От обиды мне даже захотелось упасть в обморок. Я закрыл глаза, но как ни силился — голова не кружилась. И тогда я взял и упал у дверей кухни. Не в обморок, а так, добровольно.

Лежу у кухни и представляю, как выйдут сейчас родители, увидят мое распластанное тело и начнут суетиться.

— Спасибо, Лидонька, — услышал я голос папы и приоткрыл глаза, чтобы посмотреть, как он напугается, когда увидит, что я в обмороке. Но папа как ни в чем не бывало переступил через меня и пошел дальше. Как будто бы каждый день под дверями нашей кухни кто-то валяется. А может, он так переел, что не заметил меня? И я что было сил застонал:

— Ох! — застонал я, — Ох, не могу!

На мои стоны выскочила мама:

Анна Озорниша

— Господи, Леша, что такое? Тебе плохо?

— У меня обморок, — прошептал я.

— Слава, — закричала мама. — Слава, скорей сюда, Леше плохо!

— Лида, — сказал папа из комнаты, — не обращай внимания.

— У него же обморок!

— Когда обморок, — почти закричал папа, — не разговаривают! И не водят глазами туда-сюда!

Я закрыл глаза.

И тут зазвонил телефон.

— Алло! Да, да! Лида, тебя!

Мама подбежала к телефону, а я понял, что ждать больше нечего. Вскочил и подбежал к столу. Схватил картошку и засунул ее целиком в рот. Другой рукой я схватил котлету. Но тут же почувствовал, что кто-то тянет меня за ухо и пытается оттащить от стола.

Это был папа.

— Положи на место котлету, — строго сказал он.

Я быстрым движением понес котлету ко рту, но папа схватил меня за руку и отобрал котлету.

— Ты опять забыл, что во время голодовок не едят? Иди в свою комнату и займись чем-нибудь.

Несколько раз в этот вечер я пытался проникнуть на кухню, но там прочно обосновался папа с кипой газет. Я слышал, как мама говорила ему:

— Слава, ну пожалей ребенка!

— Ничего, — отвечал папа, — в следующий раз будет знать цену словам, — и продолжал шелестеть газетами.

Я долго не мог заснуть. Часа в два папа все-таки покинул свой пост. Я прокрался на кухню, но, как ни странно, ничего не нашел, кроме старого завалявшегося сухаря. Но и это было богатство. Я лег в кровать и стал с наслаждением сосать этот сухарь. Ничего более вкусного я до сих пор не ел.

Вернисаж

Анатолий Кудашкин

Творчество читинского художника Анатолия Кудашкина всегда отличается реальностью жизни. В его работах часто видятся знакомые забайкальские пейзажи, места, в которых вы сами недавно побывали.

Наши мысли, сливаясь в счастье, Долгожданны, друг другу рады. И черемух густое участие Ни к чему нам сегодня в оградах. Нам немислимое случилось, Не иначе как свисте досталось? Но когда же, ответ на милость, Ты, такая вот, вдруг, состоялась? Расцвела на краю России, В изобилии деревенщин, Устоялась такой красивой, Из далеких и преданных женщин. Ворвалась неожиданным цветом На закате багряно-багровом. Столь хмельного не пенилось в ветрах В Забайкалье метельно-суровом. Я хотел бы всегда, без прозы Грезить нашей любовью вечной. Знай — она в продолжении, в росте — Очень жизненна и человечна.

Виктор Мухин

— директор детской музыкальной школы в поселке Ново-Орловский, автор поэмы "Лохти Тоорон" (моя душа), опубликованной в 1994 г. в газете "Агинская правда".

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

«Чита литературная». Приложение к газете «Азия-экспресс». Выходит один раз в месяц. Тираж 2000 экз. Зак. №1358 Набор и верстка АО СТС г. Чита. Отпечатано в обл. типографии.